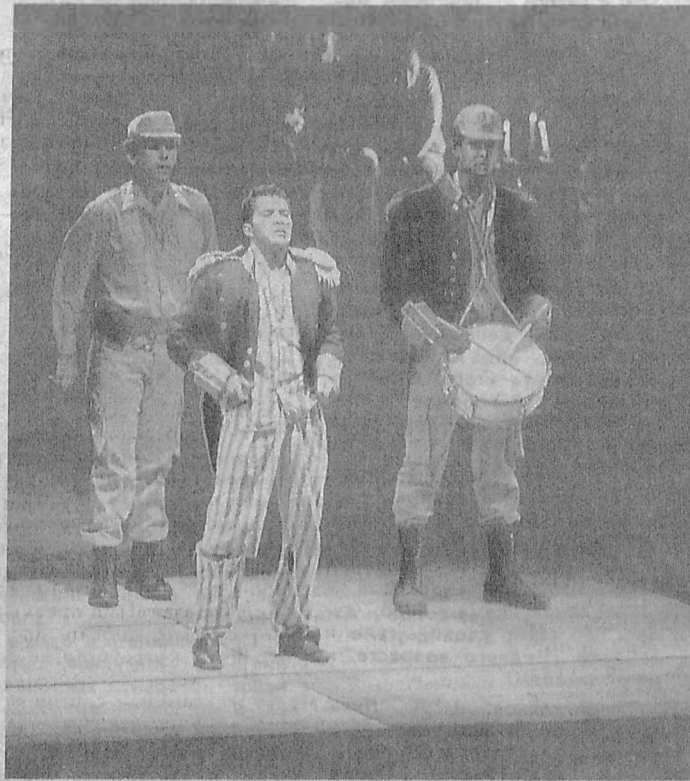

К НАМ ЕДЕТ РЕЖИССЕР!

житься голова: нищие и президенты, люди-птицы и великаны, обнаженные тела рабов и роскошные наряды господ — все могло бы показаться декоративным, если бы не было столь сумрачно-драматичным. Критика уже подметила — это не «Алиса в стране чудес», а «Алиса в стране кошмаров»...

Хименес принадлежит континенту, где не перестает литься кровь. Однако глубинная связь режиссера с реалиями и историей Латинской Америки постигается не сразу. Перед нами чрезвычайно сложный художник, чурающийся, как правило, линейной повествовательности, любящий дерзкую поэтическую ассоциативность, гротескные образы, соединяющие то, что согласно формальной логике несоединимо.

Игра метафорами для Хименеса — не способ бегства от реальности, а возможность слома расхожих, банальных представлений о ней. Процесс познания в его театре — не узнавание привычного, а удивление непривычным. Невероятное порой открывает больше, чем правдоподобное. В «Боливаре», который предстоит увидеть советским зрителям, солдат в каске — охранник современного концлагеря — хватает

за волосы Мануэлу Сазнс, одетую в дивное кружевное платье начала XIX века, по моде того времени, когда она жила. Сцена эта невозможна и закономерна, ибо драма Мануэлы и ее возлюбленного Боливара-Освободителя, стоявшего более полутора веков назад у истоков многих латиноамериканских государств, отзывается в их нынешних судьбах.

Хименес выявляет объемность времени и пространства. Действие на игровой площадке часто строится им в нескольких, идущих друг за другом планах. Постановщик переходит границы, отделяющие драматический театр от литургии, оперы, балета и пантомимы, — возникают невиданные гибриды, к которым, впрочем, нас уже отчасти приучил Марк Захаров в «Юноне» и «Авось» и в «Звезде и смерти Хоакина Мурьеты». В спектакле «Смерть Гарсиа Лорки» появляются четыре героя — мальчик, подросток, тридцатисемилетний поэт незадолго до гибели и старик — такой, каким он никогда не будет... Сшиваются разные пласты жизни, подлинной и воображаемой, и возникают загадочные конструкции, которые у склонного к откровенному формотворчеству изобре-

тателя могли бы показаться искусственными, если бы не одно чрезвычайно важное обстоятельство. Подобно тому, как у Сальвадора Дали в самых невероятных картинах сказываются мастерство академического рисунка, способность реалистического воспроизведения действительности, у Карлоса Хименеса в самых причудливых и фантастических деформациях пластических образов проявляется нечто, безусловно, достоверное, прежде всего — подлинность эмоциональной жизни героев.

На стыке эстетической изощренности и неукротимой первоизданности страсти рождается последняя постановка «Рахатаблы» — «Селестина». История роковой любви Калисто и Мелибеи, сближению которых способствовала колдунья и сводня Селестина, рассказанная на рубеже XV—XVI веков испанским писателем Фернандо де Рохасом, опрокинута в «Рахатабле» в глубокое средневековье, когда в Испании царила изысканная мавританская культура. На сцене сходятся чары сказки, такой же завораживающей, как в «Тысяче и одной ночи», и непререкаемая реальность, дивные арабские одеяния и не знающее ни малей-

шего стеснения алчное безобразие старухи Селестины (ее с необычайной смелостью играет превосходный актер Александер Милик), утонченная красота юных Калисто и Мелибеи — и адский клетот человека-коршуна, молнией пронзающего по сцене. Все сходится в едином волнующем и пугающем действе, овеянном восточными ароматами и смертным дурманом.

Но Хименес — художник разнообразных и, похоже, неисчерпаемых возможностей. Так, в прошлом году на Международном театральном фестивале в Гаване советские деятели театра были поражены, увидев спектакль «Рахатаблы» «Мертвые дома», словно отсылающий к заветам Станиславского: перед зрителем неторопливо разворачивались картины «уездного» быта, обретала сценическое воплощение виртуозно и незаметно аранжированная партитура «простого дня» и предельно естественных и непродуманных душевных движений. Хименес взялся за роман венесуэльского писателя Мигеля Отеро Сильвы о провинциальной глуши — на первый взгляд тихой и безобидной, но засасывающей, как трясина, губящей любовь. Тяготеющий к

ударным средствам, к форсированной театральности — не зря в стольких его постановках мы встречаемся с «театром в театре» — режиссер на этот раз передает трагизм неброской обыденности и находит незаметливый и безошибочный эквивалент лейтмотиву потаенности, красной нитью проходящему сквозь роман.

Однако «Мертвые дома» стоят несколько особняком в творчестве Карлоса Хименеса. Быть может, потому, что в противостоянии одаренной провинциальной девушки и усыпляющей рутины будней лишь под сурдинку звучит главная его тема — тема непримиримого столкновения творчества с насилием и тиранией. Антагонистом деспотической власти оказывается и театр — его красота выступает как враг зла и смерти. В «Боливаре», где эта тема доведена до истощенного напряжения, герой больше поэт, нежели политик. Однако подробнее о «Боливаре», наверное, имеет смысл поговорить после того, как наша публика познакомится со спектаклем.

Один из самых интересных экспериментаторов зарубежного театра, Карлос Хименес родился в 1946 году в Аргентине,

в городе Кордова, окончил здесь Школу драматического искусства, учился затем режиссуре в Испании, Франции и Италии. Вернувшись домой, создает в Кордове труппы

«Эль Хуглар» и «Каса дель театро». Во времена правой диктатуры ставит спектакли за рубежом — в Никарагуа и Перу. В 1976 году организует театральное ателье «Рахатабла» при «Атенео» в столице Венесуэлы Каракасе, превращая студийный коллектив в одну из наиболее интересных трупп континента. Его режиссерское творчество неотделимо от чрезвычайно интенсивной деятельности в «Атенео», являющемся центром, способствующим развитию разных видов художественной культуры, устраивающим «круглые столы», дискуссии, концерты, выставки, встречи. На последнем из организуемых Хименесом в «Атенео» международных театральных фестивалей в этом году блестяще выступил Грузинский театр-студия киноактера с мольтеровским «Дон Жуаном» в постановке М. Туманишвили, а совсем недавно состоялись успешные гастроли московской студии «Человек», показавшей «Эмигрантов» Мрожека и «Чинзано» Петрушевской.

В. СИЛЮНАС.

● Сцена из спектакля «Боливар».